

У каждого своё Болдино, Константиново, Спасское-Лутовиново, Овстуг, Ясная Поляна и Вёшенки. Список святых для русского сердца селений с успехом можно продолжить. Неисчислима земля русская на литературные таланты. Раз в век отечественная словесность обязательно разливается мощным половодьем эпохального произведения. **Эпопеи.** Своё вещее слово уже изрекли Лев Толстой и Михаил Шолохов. Литературоведы прочат в вечные памятники национальной словесности ещё несколько пронзительных имён. А мне хотелось бы заранее заявить – двадцать первый век на переходе от человека природного и разумного к цифровой его модели просто обязан дать сгустки гениальности. Тем самым предотвратив полный провал носителя образа Божьего с сознательно изменённым религиозным сознанием в виртуальное пространство. Не важно, что в данный момент тема не интересна ни Кремлю, ни дворцу олигарха, ни бревенчатой избе со старухой, доживающей свой тяжёлый век. Подвиги, в том числе писательские, свершаются вовсе не ради славы. Хотя в наши времена она всё больше становится мерилом, часто в золотом эквиваленте, всей мало-мальски известной пишушей братии. Её даже Иванами, не помнящими родства, часто назвать трудно. Так, ГМО. Химическая прослойка, обесценивающая на праведной стороне бытия любую *стоящую* национальную книгу и явный талант. Однако через дорогу всегда колосятся тучные поля с не модифицированной рожью и пшеницей.

Речь о настоящей литературе. Чьи гены, подпитываемые Пушкинским ДНК, бессмертны. Как бы их не пытались исковеркать вырвавшиеся из ада энергии. Национальные особенности рано или поздно потребуют криничной воды, окропляющей державные пассионарные поколения, их величайшие свершения и всем понятный портрет отечественной истории. Прочь разные нигилисты, шарлатаны, позёры, словесные эквилибристы и сибариты! Словом, болотные обитатели.

Миллионы из нас носят православные крестики, не подозревая, что на гайтане самые настоящие антенны, связывающие души с Богом. С прошлым, настоящим и будущим нации. С реками судеб, пронзающих миры, о которых мы можем только догадываться. Через толщу событий, свет и мглу ведёт нас бессмертное Русское Слово.

Писатели стоят очень рядом, если не вровень, со священниками, много знающими об Истине. Говорят, суть её в какой-то степени может объяснить ВОДА. В молекуле святой воды, как утвержд-

дают учёные, при мощном увеличении виден образ Богородицы. А сколько в Отечестве таких вод?! Хранящих Завет, мысли и формулы, данные Провидением для человеческого прозрения.

Я видел Волгу, Дон, Днепр, Северную Двину, Печору и много других рек, ставших для России духовными сосудами. Какие только песнопения не звучат в душе при приближении к величавым струям. Но они мелеют, заносятся песком. Зарастают камышом. Сколько экологических проблем возникло вокруг той же Волги-матушки. Может, потому, что давно не пробивались подпитывающие её родники мощных произведений, исходящих из самого смысла существования народа. А если нечто подобное и есть, то его просто не замечают ввиду мизерных тиражей. **Уверен, движение слова и воды тесно связано через Дух.** Скорее всего, одно рождает другое. Видимо, распутинское «Прощание с Матёрой» или астафьевская «Царь-рыба» и есть в некотором роде подтверждение тезиса.

Сегодня я лично знаю двух талантливых русских прозаиков, неспешно работающих над истинными эпопеями. По крайней мере, по задумке. Одна посвящена горячему разлому Отечества в девяностые годы. Вторая – не менее жарким событиям в Приднестровье. Действо в бессарабских куцах крутится вокруг пограничной реки, над которой парит белый аист. Стык во многом противоречивых эпох, словно тектонических плит, дал такие массовые народные бедствия, скрежет и стон, что помутнил ранее чистые наземные воды и неминуемо выдвинул необыкновенных, ранее неслыханных, персонажей. Готовых хоть сейчас взойти на литературные пьедесталы. Природа как бы устроила конкурс – чей герой окажется самым достойным и живучим. Впрочем, никто из нас не знает всех участников марафонского забега, победитель которого получит громокипящий кубок.

В лучшие для советской словесности годы я поражался разливу маленькой речушки Снов, текущей от Белоруссии через Брянщину на Черниговщину. Из ручейка, который лягушонок перепрыгнет, в апреле она превращалась, подобно русскому характеру, в широкую вольную стремнину. Тогда же я ошеломлялся майскими безбрежными водами Десны, вырывающимися, как взмыленный конь Ильи Муромца, на просторы украинской лесостепи и через сотню вёрст, вволю поящими певучий тогда ещё Киев своей певучей же синью, очищенной в брянских корабельных рощах и дубравах. Не зря в далеко не застойные семидесятые действовал межреспубликанский Комитет по Десне. Партийные бонзы, как ни странно, хорошо понимали почти сакральную важность одного из главных притоков Днепра. Не только речной, но и духовной скрепы братских, не побоюсь такого определения, народов. Стоило неразумным хохлам перекрыть Крымский канал, наполнявшийся в том числе и деснянскими водами, как херсонская степь стала засаливаться и затягиваться вонючей болотиной. Как и вслед поведение заколдованного, что отмечал ещё Гоголь, народа.

На Снови я слушал лихие былины старого рыбака, чья дочь по фамилии Родина (!) родила в международном сельхозтехникуме байстрюка от чилийца. Смуглый папаня младенца вскоре смылся в прерии растить виноград и картошку. Прислал былой подруге только одно письмецо. Главными в нём были не слова любви, а вымаранные тамошними цензорами советы, как правильно, по-американски, травить колорадов. Об этом, как и многом другом, рассказывал мне, то и дело ловко подсекая *блискучую* рыбёшку, грустный дедок с обвислыми усами, помнивший ещё поход Щорса через здешние Кудыкины горы на Киев.

Никуда мне в те дни не требовалось бежать, лететь, трястись в «козликах» и обычных телегах, чтобы в блокноте прописать дивные истории. Достаточно было перейти с удочкой по трясущимся кладкам речушку и самозабвенно внимать словоохотливому любителю сказаний и плотвы. Почему-то её здесь жарили на сале. Также, видать, в своё время в соседнем сосняке слушал байки местного грибника художник Иван Шишкин. Набрасывавший у Великой Топали этюды для своих знаменитых «Медведей».

Эпоха за эпохой, роскошные, как свадебные поезда, выплывали из золотого осеннего леса, и, преодолев под птичьи колокольчики, скошенные и заскирдованные луга, медленно удалялись в вечность. Мимо людей, былинных сёл и хуторов. Оставляя им гроздь красных и чёрных историй. Редко украшающих газеты и журналы. Особенно толстые.

Только литература способна остановить мгновение. Через волшебное увеличительное стекло рассмотреть его позорче, не стесняясь выпирающих как из рога изобилия образов. Надо лишь научиться слушать простой народ. Я его и слушал. В лесу, где конь таскал свежесрубленные хлы-

сты для новой хаты соседа. В ночном, где под фиолетовые лошадиные взоры пастух вспоминал свои давние курортные приключения. На картошке, сенокосе, жнивье в минуты отдыха одаривали меня русские люди своими историями. Ими прямо-таки кипели, подобно пиву, районные булдыри. Чем-то похожие на устные говорливые журналы. Без редакторов и цензоров. С цветным калейдоскопом тем, слегка приправленных матерком. С очень благодарными и заводными слушателями. Меня никто не стеснялся. Подумаешь, корреспондент. Интересно, так налей рассказчику и тоже послушай.

Однажды после пары кружек увешанный корзинами с черникой ягодник повёл газетчика к себе в гости. Оказался боевым лётчиком, сбитым в одной из локальных и мало кому известных войн. Бежавшим из плена. Передо мной сидел очередной очарованный странник. До полуночи он с любезной женой чистил от зелёных клейких листиков ягоды, а я впервые в жизни читал за перегородкой Библию. Как будто Господь меня свёл в самую атеистическую эпоху то ли с грешником, то ли с ангелом высокого полёта. Понятнее становились священные страницы после волнующих рассказов прихрамывающего майора. Целый год я напрасно подбирался к Книге Книг в одной деревеньке, бережно хранившей священные фолианты. Мне отказывали, уповая, что я, хоть и внук священника, пока не готов осмыслить загадочные страницы. И вдруг, в шипящем, на взгляд многих жён, кабацком аду я встретил поводыря, выведшего меня, подобно герою Данте, на свет. К той самой желанной Книге. Неужто созрел?!

Любит излить душу наш человек. Я тогда не задумывался, хоть и поработал не в одной районке, что из густой массы былей могли вполне выйти, скажем, новые «Охотничьи рассказы». Главное, ничего не надо придумывать. Герои действуют в необыкновенных условиях, порой на грани яви и фантастики. Проявляют чудеса изобретательности, смелости, лихости и Бог знает ещё чего, на что способен русский человек, верный своей необыкновенной планиде. Встречались тут и свои Аксиньи, и Гришки Мелеховы, и Андрей Соколов, прошедшие немецкие и советские лагеря. Однажды меня познакомили даже с дезертиром, просидевшем в подвале собственного дома целых двадцать лет.

Не менее страшными, чем у Лескова, подробностями пестрели любовные приключения. В них фигурировали председатели, парторги, прокуроры, милиционеры. Простые доярки и скотники.

В России никогда не бывает скучно. Наша жизнь разворачивается сразу в нескольких пространствах и временах. Прямо-таки раздолье для писателя. Садись и пиши. Можешь просто роман. А можешь и эпопею. Уж как повезёт. Ведь ты, образно говоря, находишься на дне собственного «Тихого Дона». *Дно можно понимать и как ДНО, и как ДЕНЬ.* Там каждый камешек золотой. Всякая раковина с жемчугом. Подобно Садко, осторожно пробуешь струны сладкозвучных гуслей. Надеешься, что под них запляшет речной царь. Волны взбурлят и в щепки разнесут яхты нуворишей, водящих дружбу с нечистой силой. И внесут прекрасные витязи в русские города тысячи бесценных книг, дарующих лад и радость. Такова русская мечта. Социальный заказ на шедевр. Автор должен помнить, для кого и зачем он создаёт своё произведение. Русская почва, возделанная старинными хлебопашцами, ещё способна разродиться гениальными трудами. Корни у них будут деревенские. Вросшие в подзол и в редкий тут чернозём. А ни в какой-нибудь городской поролоновый гидропон.

Чем же хуже местные крестьяне хвалёных казачьих династий и дворянских родов? Да у последних условностей больше. Того нельзя. Это полный моветон. Простым же селянам можно было почти всё. Даже тайные кабаки в избах молодок, с ещё тёплым «самограем», куда по случаю любил завернуть районный чиновник, а то и начальник милиции.

Вот писатель и обязан очистить эпоху от самоварной позолоты. Тогда и советская эра, и Россия тех лет предстанут в совершенно ином свете. Ясном. Не замутнённом идеологией. Открывающем глаза на великую эпоху, как её справедливо охарактеризовал известный эмигрант из Харькова.

У Союза писателей России тысячи мудрых перьев. У каждого полная впечатлений биография. Уверен, что кроме двух выше указанных мною мастеров слова, ещё несколько талантов готовы рискнуть и создать гениальное полотно. Время подходит нового «Тихого Дона». Только, дорогая страна, не мешай его течению. Ибо великая литература ненароком превратится в херсонские ядовитые солончаки. Без горстки соли истины.

Пришлось мне пожить не в одной крестьянской хате. С одинаково расставленной мебелью и

похожими фотографиями. Зато повсюду обитали колоритные национальные прообразы. Любой мог стать наброском для портрета современника. Сюжеты так и лились с народных уст. Это и была моя народная академия, достойная эпопеи. Частично дары судьбы я уже реализовал в своём романе в стихах «Тарас и Прасковья» и в нескольких поэмах. Думаю, подобные мысли приходят на ум не одному коллеге.

А как же для мастера слова университеты? Побоку? Получи аттестат за среднюю школу и дуай прямо в народную гущу? Вуз, особенно именитый, талантливому человеку не помеха. Особенно, если тот получит научное подтверждение всех своих лингвистических и прочих озарений, сделанных в годы работы в низовой прессе. Лучшей школе для будущего классика. Шансов у него замахнуть на эпопею больше, чем у «необстрелянного» студента-филолога. Шолохов живой пример. Хотя я уверен, что автором главного шедевра двадцать первого века станет писатель, хлебнувший и народной жизни, и факультетских треволнений. И будет он по рождению, скорее всего, провинциалом. Не исключаю, родившимся в семье сельских интеллигентов.

Стало модным говорить о том, что нас сейчас мало кто читает. Дескать, отошёл от большой литературы русский мужик. Уткнулся в телевизор, компьютер, сотовый телефон. Даже родную самогонку позабыл. Бежит теперь в супермаркет за бутылками со странными наклейками. Англичком пытается козырять. Хотя и со страшным акцентом. Кажется, всё так. Библиотекари вам подтвердят. Классика всё чаще остаётся нетронутой на полках. Неужели мы до такой степени другие, что нас уже не волнуют рассказы о человеческих судьбах. Неужто не вздрогнет сердце от местного словечка, слышимого в прекрасном детстве? Да не другие! Не очерствели душой. Быть русскими не перестали. Что бы там ни талдычили социологи и модераторы-детонаторы цветных революций.

Видать, пришла пора в старые меха вливать буйные молодые вина. В первую очередь, крымские и кубанские. Напитки из молдавских и грузинских подвалов уже прокисли. Русский человек так устроен, что как бы ни был интересен большой мир, всегда хочет узнать, что делается в соседнем доме, переулке. Как поживают родичи где-нибудь в вернувшемся в родную гавань Судак. А если твой роман заденет самые тайные струны, будьте уверены – наш мужик его прочитает. Даже в интернете добрым словом отзовётся. Если, конечно, не забанят. Лишь бы со страниц пахло Жизнью, а не её пресными консервами. И не стесняйтесь диалектов. Вон как здорово их используют орловчанка Татьяна Грибанова и тюменец Николай Ольков, одни из самых замечательных, не обиженных высокими премиями, прозаиков двадцать первого века. Всегда с трепетом открываю их новые произведения в «Берегах». Но не только этот прекрасный калининградский журнал способен опубликовать современную классику.

К чему меня потянуло на такие раздумья? Нельзя сказать, что ни с того ни с сего. Слишком долго подбирался к эссе. Сомнения мучали. Допустим, эпопея кем-то создана. Где её печатать?! Выбор, прямо скажу, узкий. Конечно, есть несколько издательств, не чурающихся прорывной классики. То же «Вече». Всё увереннее проявляют себя толстые журналы. Как в столицах, так и в провинции. Правда, не всегда сразу разглядишь истинную прописку. Некоторые «областные» издания уже давно заткнули за пояс сдувшиеся московские и питерские. В условиях «конкуренции» с той самой пишущей братией, которую я помянул в начале эссе, тщетно мечтать об их широком государственном признании. Вызывает лишь улыбку маниловская мечта некоторых в общем-то неплохих авторов заполучить тираж своего опуса сразу в несколько сотен тысяч экземпляров. В широкие ворота стремятся, однако.

Такие произведения вполне могут появиться. Правда, под секретным грифом «ГМО». У спонсоров подрывной литературы всегда отыщется золотишко для дурно пахнущего хлама. Хотелось бы, чтобы мы все вспомнили, с какого тиража начинался Пушкинский «Современник». С шестисот (!) подписчиков. (У нынешних «Берегов», «Родной Ладоги» и «Подъёма» куда больше. Плюс тысячи благодарных читателей на электронных сайтах изданий).

Пушкин, как и нынешние главные редакторы журналов, познал, работая с «Современником», огромные, типографские издержки и финансовые бреши. А что стоило, подумают нынешние дельцы от полиграфии, получить пятнадцать тысяч откупных, предлагаемых пронырливыми оппонентами, и продать набравший художественную и политическую силу журнал. Гений не пошёл на сделку с совестью. Произведения, им опубликованные, очень быстро узнала и полюбила вся

читающая страна. Думаете, у явленной русскому человеку классики тогда не было сильных конкурентов. Как бы ни так. Остались же только славные имена, собранные Пушкиным под сенью легендарного «Современника».

Поскольку старинные издательские и не только проблемы вернулись в Россию почти через двести лет, значит, мы вправе ждать новых великих имён, достойных эпопеи. Только при страшном сопротивлении разных болотных деятелей она способна проклюнуться на свет из яйца Истины. Вспомните, как чекисты, мягко говоря, мешали Шолохову во время создания «Тихого Дона», словно гоголевские черти Вакуле, пишущему для церкви картину со святым Петром. А как Михаила Александровича травили уже после создания шедевра. Автору досталось не меньше, чем его героям Григорию Мелехову или Андрею Соколову. Закончилась же эпопея всенародной любовью и Нобелевской премией.

На фоне чудовищных экономических проблем почти всех толстых журналов и одновременного их творческого всплеска очень своевременно прошёл посвящённый «толстякам» Ульяновский фестиваль с символическим названием «Волжская пристань». Как будто обмелевшая, изнывающая от духовной жажды великая русская река позвала капитанов последних литературных пароходов в свой порт. Спасите, мол, своим словом меня, а я спасу вас. Под эгидой тамошнего губернатора Сергея Морозова, кажется, впервые в истории русской литературы заговорили о создании Ассоциации толстых журналов, принадлежащих Союзу писателей России. Задумались о пропаганде в сетях выходящих номеров. С одной стороны, писатели поняли, что нужно держать порох сухим. А слова чистыми и не запятнанными. С другой, у провинциальной власти уже появились провидцы, осторожно расставляющие спасительные бакены на фарватере отечественной словесности. В этой обнадёживающей «вилке» журналы вполне могут развернуться. По крайней мере, в общественно-политическом и литературно-художественном секторе Лучшие издания должны быть готовы вовремя распознать выдающиеся подборки, романы и на своих площадках разместить даже эпопею. Уж будьте уверены, она не за горами.

Небывалый период уныния и шатаний, сгубивший многих талантливых литераторов, не смогших найти себя в новые времена, для русской словесности заканчивается. Правда, с резким делением оной на лагерь. В этом смысле мы, русофилы и либералы, один в один возвращаемся в Пушкинские времена. Осталось только привлечь к чтению рукописей и готовых книг царя и его администрацию. Не о том ли протрубил на Волге пароход с блестящей делегацией главных редакторов толстых журналов. Надеюсь, редакционные пухлые портфели в их руках никогда не закрыты на все защёлки. История великой литературы продолжается.

От того, победит ли в войне полюсов нравственности ей главный герой – природный русский человек, полный смыслов и чувств, своего созданного в тайных лабораториях электронного двойника, обладающего искусственным интеллектом и распечатанными на 3Д принтере органами, зависит судьба Цивилизации, России, Моего народа. Вот главный вопрос, на который должна дать чёткий художественный ответ грядущая литературная эпопея двадцать первого века.

